

ЮРИЙ СОКОЛОВ

НА ТРОПЕ ВОЙНЫ

СВОЯ ИГРА – 4

16+

Своя игра

Юрий Соколов

Своя игра – 4. На тропе войны

«Автор»

2022

Соколов Ю.

Своя игра – 4. На тропе войны / Ю. Соколов — «Автор»,
2022 — (Своя игра)

Главные дороги любых государств — военные. По ним идут к полям сражений и просто к месту службы дворяне, рыцари, обычные солдаты. А возвращаются они иногда тайными тропами. Чтобы никто не спрашивал, откуда столько добра на телегах, и законно ли оно добыто. Перекрой такую тропу и грабь награбленное! Сопротивление будет ожесточенным, но никто из пострадавших королю не пожалуется.

© Соколов Ю., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Юрий Соколов

Своя игра – 4. На тропе войны

Глава 1

Старший маг Эгланана работал так спокойно и размеренно, словно находился не в Гинкмарских лесах, а во дворце своего господина посреди столицы Каграла. Он то приносил жертвы, стараясь выбирать наименее ценное и наиболее громоздкое из захваченного в «Сухой гавани», то приступал к воскрешению очередного воина. Сегодня вернул с того света уже восьмерых, и намеревался продолжать в том же темпе до вечера.

И остальные дела в королевском стане тоже делались без ненужной спешки, чинно-благородно. Конечно, пока мы туда не пришли.

Застрельщиком боя выступил леший. Пользуясь недюжинными способностями к скрытым перемещениям, он пробрался к загону у озера и пугнул лошадей. Животные частью бросились в воду, частью сломали жерди и промчались по окраине эльфийского лагеря. Часовые отвлеклись, и это позволило волколатникам вырезать их до единого. Не то что бы они могли нам помешать, но надо же было с чего-то начинать сокращение остроухого поголовья. А стоящие поодиночке живые столбики – хороший выбор для этого.

Айк возник в полукруге повозок и успел убить троих воинов, прежде чем остальные включились в ситуацию и начали драться в полную силу. Прячущаяся в зарослях Жюстина сбита первый боевой каст вражескому магу добротным огненным заклинанием, после чего на почтенного старца налетел Люцифер. В устроенной лешим суматохе его не сразу отличили от других коней. Находившиеся в загоне эльфийские лошади, в отличие от захваченных в «Гавани», быстро преодолели панику и вернулись. А некоторые вовсе стояли в бардах меж палаток именно на случай внезапного нападения – они и не убегали никуда.

Я на костомехе зашел на лагерь с той стороны, что была защищена повозками. С ходу перевернув одну из них, прорвался к королевскому шатру и обрушил на него дубину. К сожалению, Эгланана в нем уже не было: он как раз выскочил наружу.

Люцифер угробил мага и ускакал в лес, пока самого не убили. Тут же развернулся и ринулся в новую атаку, только уже не такую дерзкую, как первая, и не в одиночку, а вместе с волколатниками. Костомех крошил дубиной и протыкал вилами эльфов и их коней.

Памятуя о туре Гольта, я был готов к тому, что у части противников будут петы помимо маунтов, однако не предполагал, что их окажется так много. Видимо, какая-то расовая особенность остроухих позволяла им без особых проблем иметь и развивать двух, а то и трех питомцев сразу. Теперь они активировали скрытых, и поле боя заполнилось самыми разными существами – от обычных, вроде тех же туров, до самых экзотических монстров с двумя головами и восемью лапами.

В первые секунды именно численное превосходство врагов помогло нам не только сражаться с ними на равных, но и наносить тяжелейший урон. Они не могли, не успевали построиться, чтобы использовать против нас мощь правильных боевых порядков даже мелких групп, не говоря обо всем отряде. Приземистые пронырливые волколатники появлялись среди эльфов и их коней то тут, то там, и успели забрать немало жизней, прежде чем им пришлось сцепиться с похожими на них по характеристикам петами. Айк перемещался по вражескому лагерю короткими порталами, не давая себя окружить, и дрался с той же эффективностью, как вся стая Торна.

Однако главным поражающим фактором, как и ожидалось, стал костомех. Он стягивал на себя основные силы эльфов просто потому, что был самым заметным; а мне только это

и надо было. Я протянул сколько смог в обычном режиме, отступая к свободной от повозок окраине лагеря, и активировал «берсеркер». Раньше мне всегда чего-то не хватало при его использовании – я по глупости думал, что лимитного времени. Ан нет! Мне не хватало скелета горного тролля восьмидесятого уровня, вооруженного большой-пребольшой дубиной.

Вот уж на чем можно развернуться, когда вокруг полно мишеней для ударов! Черенок вил мне довольно быстро перерубили. Ловко и умело – наискось. Костомех с не меньшей ловкостью сунул отличившемуся воину в забрало заостренную его же мечом палку и перехватил дубину обеими лапами.

Поперли! Сейчас покажем тут кое-кому, на что способен мирно пашущий советский трактор!

Я перешел в наступление, топча мелких петов, вбивая в землю крупных вместе с их хозяевами и ломая лошадиные хребты. В меня стреляли, однако в тяжелой броне, и будучи защищен грудной клеткой костомеха, я был практически неуязвим для стрел. Попадания малых файерболов пока держала навешанная Жюстиной на скелет и меня защита, а применить средние и большие оказалось некому: среди эльфов было несколько воинов-магов, однако они или уже погибли, или занимались нейтрализацией Айка. Тем не менее моя живучесть падала от заклинаний, против которых баффы были неэффективны, и использования «берсеркера», а костомеха – от ударов мечей и боевых дубин по ногам и корпусу, ядовитых плевков экзотичных петов и их укусов в суставы. Жюстине с ее коллекцией накопителей от Клары и Хулио пока удавалось отчасти компенсировать ущерб, наносимый нам и остальным нашим. После первого своего выпада против мага Эгланана она себя видимым образом не проявляла, сосредоточившись на неотложной медпомощи группе. Без «аптечки» в таком бою никуда. Доставать элики не всякий раз получалось, каждый третий я ронял второпях. А волколатники вовсе не могли использовать снадобья в ходе схватки.

Менее чем через минуту костомеху перерубили колено – то самое злосчастное левое колено, которое ему когда-то перерубил и я. Он запрыгал в сторону на одной ноге, уперся плечом, а затем спиной в ствол ближайшего дерева и не упал. Я выскочил из кабины управления и отдал скелету команду на простейшую самостоятельную оборону от нападающих. Какое-то их число он на малое время свяжет боем, а дальше...

Дальше могла быть только смерть в неравном сражении. Для него, меня, всех нас. Погиб один волколатник, другой, третий. Люцифер, весь израненный, еле держался. Аик ослабел и сильно замедлился. Предпоследний портал он построил к укрытию Жюстины и убил воина, который вычислил и убил ее; последним вернулся в лагерь, чтобы разделить общую участь. Кажется, я чрезмерно расщедрился, посулив нам один шанс из десяти. Ни одного из ста – это было бы вернее.

Напоследок я хотел только найти Эгланана. Конечно, он и оставшись в живых не сумеет меня воскресить для пыток и казни: у него магов не осталось, бояться нечего. Зато если в драке с ним не я прикончу его, а наоборот, – что, кстати, вероятнее, – то талисман «Месть мертвеца» реанимирует меня именно для расплаты с главным виновником уничтожения «Гавани». Свеженького и полного сил. Как раз тогда, когда Эгланан будет меньше всего этого ждать. И мне представится случай действительно его убить. С реальными шансами. Все равно ведь подышать – так лучше сделать это с наибольшей пользой.

Разыскивать эльфийского короля не пришлось. Он сам меня нашел и криком дал знать окружившим меня воинам и петам, что я принадлежу ему, и только его меч имеет право прервать мое существование. Окей, папаша! Я рад, что наши интересы совпадают. За исключением того, кто чье существование прервет. Но с этим мы разберемся, правда?

Двадцать пять секунд, что оставались до конца лимита на использование «берсеркера», ушли на яростную рубку с бойцом, превосходящим меня на тридцать уровней. А потом откуда-то сбоку вынырнул леший, переживший свою хозяйку и сумевший незаметно подобраться к

нам; а потом я приказал сражавшемуся еще в одиночку костомеху метнуть в короля дубину, и скелет сделал это на удивление точно; а потом...

Я не помню, что случилось потом. Но я еле вытащил меч из пробитой насквозь кирасы Эгланана. Во-первых, я совсем ослабел. Во-вторых, клинок застрял здорово. Он вышел из вцепившейся в него чужой брони со скрипом и скрежетом, все еще светясь голубым, и погас, точно мертвый. Эгланан упал, а я остался стоять посреди догоравшей в лагере битвы. Еще до начала нашего с королем поединка эльфы перестали спешить и ошибаться, начали действовать четко и расчетливо. Поняли, что торопиться некуда, – мы так и так обречены. Теперь отпали последние сомнения в этом, и мой частный выигрыш не мог ничего изменить. Торн, два его сородича, Айк – все тяжело ранены, все почти что при последнем издыхании. Как и Люцифер. Как и я сам. Как пришедший мне на выручку леший...

За моей спиной раздалось рычание. Совсем близко, вплотную. Должно быть, там один из вражеских петов. Я повернулся, чтобы посмотреть своей смерти в глаза. Если больше ни на что не способен, надо сделать хотя бы это. И я посмотрел...

Позади стояла не моя смерть. Там рождалась наша победа.

Соскользнувшая с моих плеч во время боя с Эглананом эгида превращалась в львицу. И выглядела она еще более жутко, чем при ее явлении Свэну.

– Виват, Эги! – в восторге заорал я, поднимая меч, и он вновь засиял ровным угрожающим светом. – Мочи козлов!

Однако львице не требовалось особых приглашений или каких-то приказов от меня. Она ураганом пронеслась по лагерю, и вскоре повсюду остались только трупы. Истекающие кровью волколатники, Люцифер и Айк молча смотрели на расправу. Завершив ее, львица остановилась передо мной. Этой твари совершенно не подходило игривое прозвище, которое я ей сгоряча дал. Эги?.. Похоже на оскорбление. Все равно что бенгальского тигра Мурзиком назвать.

– Ты должен вернуть меня истинному владельцу! – прорычала она. – Не забыл?

«С тобой забудешь, – подумал я. – Попробовал бы – ты живо напомнишь». Вслух же сказал:

– Нет, конечно. Но ты бы хоть намекнула, где его искать.

– Ищи на востоке, – помедлив, ответила львица. – Ты хотел идти на восток? Туда и иди. Следуй своим путем, а остальное случится само собой.

– Но я не могу отправиться на восток прямо сейчас, – осторожно заметил я. – Не представляю себе, сколько и чего ты обо мне знаешь, но на мне висит большой долг. Я хотел бы сперва рассчитаться, и уж потом идти куда-то.

– Тогда так и поступи, – разрешила львица. – Только не медли, когда настанет час.

И она вновь превратилась в плащ, едва произнесла последнее слово. Трепаться не любит. Не дай бог я сплхую при выполнении задания... Но хоть выяснилось, что мне не придется блуждать неизвестно где.

Определив навскидку, кому нужнее всего помощь, я поплелся к Люциферу. Айк отошел к повозкам, уселся у одной из них, привалившись к колесу, и стал вытаскивать из кармашков пояса склянки с исцеляющими зельями. Волколатники потащились к нему. Один на полдороге упал и далее уже полз.

– Поищи потом эликов, Иван! – попросил Айк. – У меня мало, не хватит.

– Поищу, – пообещал я. Хотя лучше бы мне кто-нибудь нашел. Или просто достал из пояса что есть.

Люц пострадал жестоко. Как еще на ногах держится? Я снял с него бард, пошарил глазами по лагерю и увидел у разрушенного загона корыто, из которого эльфы отпаивали своих раненных лошадей. Посудина не перевернулась, и в ней было достаточно воды с коктейлем из снадобий. Прикинув, что проще – тащить корыто к Люциферу или Люцифера к корыту, я выбрал корыто и поволок его зигзагом меж трупов, стараясь не расплескивать содержимое.

Конь сделал несколько шагов мне навстречу, сунул морду в живительное пойло и торопливо зачмокал губами.

Лешему я помочь ничем не мог. Никто не мог – кроме Жюстины, а она была мертва. Если пет дотянет до ее воскрешения, то будет жить. Нет – истает, как снеговик под солнцем.

Из леса нерешительно вышли Живчик и Мык. Негодники! Вместо того чтобы спрятаться там, где мы их оставили, они пошли за нами следом. И, конечно, все видели. Судя по их лицам, эгида напугала их чуть не до обморока. Как бы у Мыка опять язык не отнялся.

– Раз пришли, давайте за дело, – сказал я, снимая шлем. – Ты, Живчик, у Карея за лошадьми ухаживал же? Лечить приходилось? Помогай как можешь Люцу, а чего не знаешь, он тебе подскажет. А ты, Мык, элики разыскивай и таскай их Айку.

– А вы когда угодно можете плащ в львицу превращать? – тихо спросил Живчик, неожиданно переходя на почтительное обращение ко мне во множественном числе.

– Совсем не могу, – разочаровал его я. – Он сам когда хочет превращается. А хочет он этого редко. Иначе я уже был бы верховным правителем Аусанга, и такие как Эгланан лизали бы мне пятки.

Оставив пацанов заниматься розданными поручениями, я пошел в лес и принес в лагерь тело Жюстины. Обязательно следовало сделать это, пока его волки не нашли и не сожрали. Они ведь когда подтянутся сюда, сразу на поле боя не сунутся, сперва по окраинам рыскать станут. И мою дохлую компаньонку обнаружат первой. Не съедят целиком, так отгрызут что-нибудь. Жюстина мне не простит, коли воскрешу ее однорукой или одноногой. А я твердо намеревался попытаться ее воскресить. Потому что никуда это не годится – терять главную и единственную волшебницу клана в самом начале предприятия. И мы с ней еще не все позы Ингервольда и Миранды прошли.

– Живчик! – окликнул я мальчика. – У Глена в «Дубах» есть хороший маг или знахарь?

– Шаман! – отозвался тот. – Отличный!

– Тогда как только Люцифер скажет, что точно не помрет в следующую минуту, поймайте с Мыком пару лошадей в лесу и запрягите в любую повозку. Из кузова повыбрасывайте все, что там будет, и настелите травы побольше.

– Ладно!

Мык сновал по лагерю, обшаривая трупы воинов. Перед Айком и волколатниками скопилось множество пузырьков, как на прилавке у лекаря, посещенного привередливыми клиентами. Проклятым подходило не все, чем могли пользоваться обычные разумные и полумразумные. А тут еще элики шли исключительно с эльфов, то есть частью с расовыми ограничениями. Я крикнул мальчишке, чтоб обыскал повозки и нашел ту, в которой лежала добыча с магической лавки «Гавани». А сам направился к Эгланану – его Мык не успел обчистить. Посмотрим, что есть у короля – вдруг что-то суперское и при том подходящее людям. Да и попросту интересно: снадобьями для монархов я еще не пользовался.

Весточка сидела на бортике корыта, из которого с перерывами пил Люцифер, и жалостливо смотрела на своего большого сильного друга, который внезапно стал таким тихим, малоподвижным и беспомощным. Она даже пыталась обмахивать ему морду крылышками. Заметив, что я иду к Эгланану, – а шел я так, словно нажрался до розовых слонов, – птичка решила пожалеть и меня, подлетела и уселась на подставленную руку в латной перчатке. Ну, чего тебе, милая? Ничем ты мне не поможешь. Я знаю, что сердечко у тебя доброе; но ты уж лучше лети обратно к Люциферу. А то мне тяжело тебя держать.

Я наклонился над Эглананом, и в тот же миг он вскочил, боднув меня макушкой шлема в подбородок. В руке короля сверкнул кинжал. Я уклонился, и нацеленный в шею удар пришелся в наплечник. Второй удар – режущий, наотмашь – едва не расплосовал лицо. Мать-перемать-тудыт-твою-мать! Ваня, ты дебил! Сам же носишь этот долбаный талисман реванша,

взятый у эльфийки, и не подумал, что еще какой-то эльф может носить такой же. Скажи спасибо, что только Эгланан воскрес, а не штук десять остроухих сразу.

Испуганно вскрикнул Живчик, заржал Люцифер, взвыл Торн. «Держись, Иван, мы идем!» – крикнул Айк.

Они идут! Они идут! А зачем? Чтобы зомбокоролю было удобнее порешить нас всем скопом? Сейчас мы даже и все вместе не справимся со свежим воином семидесятого уровня, и уж кому-кому, а Айку следовало бы это понимать.

Глава 2

Уклоняясь от ударов, я схватился за пояс, торопясь нащупать первое что попадется под руку: меч, кинжал – все равно. А попало не то и не другое, а жезл предназначения. Я выдернул его из чехла, стиснул в ладони, сбрасывая ножны с жала, и всадил Эгланану в левую смотровую прорезь шлема. Король остановился, зашатался, издал утробный рев и отступил назад. Я шагнул к нему, сжал кулак и с размаху врезал по жезлу, вгоняя его глубже. Хотя это, пожалуй, было лишнее. Высокородный эльф отступил еще, запнулся о труп одного из своих бойцов и упал на спину.

«Неофит готов к перерождению со сменой расы и класса, – торжественно сообщила система. – Прочтите вступительную молитву и приступайте к обряду».

Ага, разбежался! Пусть неофит немного побудет мертвым. А лучше – много! Я взялся за меч, намереваясь отрубить Эгланану голову, однако меня остановил Айк. Он ухватился за мою руку обеими своими и не дал достать оружие.

– Какого хрена? – спросил я.

– Какого надо! – ответил проклятый. – Ты что – рехнулся от радости второй подряд победы над властителем Каграла? Теперь его нельзя убивать!

– Почему еще? Я не нанимался поставлять темным силам новых адептов.

– Конечно! Однако воспользовавшись жезлом против другого разумного, ты совершил тяжкое преступление, пусть и невольно. Не следует его усугублять.

– А что делать? Провести обряд?

– Да! Свойства жезлу придал не ты, и в насильственном перерождении Эгланана твоей вины не будет. А вот что случится, если короля сейчас в Мир Теней отправить, невозможно предсказать. В кого он там превратится, какую судьбу обретет? Даже думать боюсь! Темные хотели получить тебя – пусть получают его, и сами отвечают за последствия... По крайней мере надежда будет, что ответят именно они.

– Послушай Айка, Иван! – подключился к убеждениям Люцифер. — Он дело говорит. И учти еще вот что: нравится тебе это или нет, но ты временно стал темным жрецом. Именно для проведения обряда. Это уже записано в твоей карме. Карму, как ты знаешь, надо изживать. Тем или иным способом. И лучше выбирать самый простой.

– Ё-кэ-лэ-мэ-нэ! – возмутился я. – Нам надо восстанавливаться, Жюстину воскрешать, волколатников, а мне придется...

– Полчаса в деле воскрешения моих сородичей и твоей подруги ничего не решат, – перебил Торн. – Я ничего не знаю про ту штуку, которой ты ударил Эгланана. Но раз Айк и Люцифер говорят, что теперь нельзя останавливаться, а требуется совершить некие действия, то и соверши их.

Я посмотрел по очереди на своих советчиков. Потом на Эгланана. И подумал – а почему бы нет? Для меня совершение обряда – гарантия, что король не переродится самим собой и не начнет снова гоняться за мною.

– Олл райт, мудрейшие, – сказал я развязно, однако без иронии. – Будь по-вашему. А вы пока придумайте безопасный способ проверить, не вскочит ли еще кто из эльфов как новенький, чтобы наброситься на нас.

Айк присел перед Эглананом на корточки и осмотрел его – словно ощупал взглядом, – встал и принялся изучать поле боя. На лбу проклятого выступили крупные капли пота: уже ослабленный, он вынужден был расходовать последние силы на сканирование обстановки.

– Ну что? – спросил я.

– Больше ни на ком здесь амулетов посмертного возмездия нет, – ответил Айк расслабляясь, и дрожащей рукой вытер лицо. – Не считая тебя. Их вообще мало кто носит. Они затрудняют перерождение.

– Каким образом?

– По-разному. Обычно просто увеличивают время пребывания в Мире Теней, число и тяжесть испытаний. Но наперед угадать нельзя. Ты же понимаешь, что за все приходится платить. За возможность мстить после смерти – тоже. И не всегда удается определить, какова окажется плата.

– То есть и с перерождением Эгланана будут трудности?

– Неизвестно. Задержек точно можно не ждать. Раз в описании жезла упомянуто о немедленном воскрешении, значит, так и произойдет.

Я наклонился, вытащил жезл из прорези королевского шлема и оттер травой от кровавой слякоти. Проглотил пару эликов для бодрости и принялся Эгланана раздоспешивать. Оставив на теле только рубаху и штаны, пробежался скоренько по текстам свитка, стараясь не произносить читаемое даже про себя. Описание жезла, напротив, изучал медленно, хоть и знакомился с ним уже; но теперь-то не об ознакомлении шла речь. Когда затеваешь такое дело, в мануале не должно остаться ни одного непонятого для тебя пункта. Поскольку по закону подлости самым важным будет как раз то, во что ты не вник.

Выяснилось много чего. Значительного, незначительного и просто любопытного. Оказалось, к примеру, что я вправе дать Эгланану новое имя. Это с удовольствием! Как же тебя обозвать, будущий кастер? Акакий? Евпсихий? Сосипатр? Ясуко? Пожалуй, не пойдет. Будешь ты Онуфрием. Как в том рассказике, где все слова на букву «о» начинаются. «Однажды отец Онуфрий, обходя Онежское озеро, обнаружил обнаженную Ольгу...»

Решено: король Эгланан после перерождения нарекается Онуфрием. А в какую-нибудь веру его заодно обратить нельзя? Желательно эксклюзивную, специально для него созданную? Нет. Пичалька... А то б я сейчас задал ему направление карьерного роста! И в будущем весь Аусанг гордился бы темным магом Онуфрием, жрецом Церкви пресвятого Сатаны.

Я посмотрел на Эгланана. Лицо короля я впервые увидел, когда снял с него шлем: красивое, мужественное, волевое – и в то же время жесткое, исключаящее какую-либо симпатию. Такие ребята с детства привыкают походя распоряжаться чужими судьбами, еще под покровительством венценосных папаш. Когда сами садятся на троны, разворачиваются во всю ширь. Крутые, в общем. До определенного момента. Пока не сталкиваются с кем-то круче их – например, с Бальдуrom Великолепным. Или не оказываются волею случая в таком положении, как вот сейчас.

Люцифер вернулся к корыту, Айк и волколатники тоже отошли на прежнее место, оставив меня одного. Помощь мне не требовалась, а поприблизиться при обряде из интереса никто не захотел. Тем более что издали все будет нормально видно.

– Неофит Онуфрий готов принять новое предназначение, – нараспев зачитал я начальную формулу последовательности. – И да помогут ему боги на избранном пути!

Избранном, ага. Эгланан о нем всю жизнь мечтал...

Воздух потемнел – вокруг меня стужался Мрак. Земля под трупом короля засветилась нехорошим багровым свечением, словно сквозь нее собиралось прорваться пламя преисподней. Подземный невещественный огонь распространился в стороны меняющим очертания пятном, коснулся моих ног, крохотными язычками вспыхнул на доспехах. Он ничуть не обжигал, и тем не менее был страшен. Эгланана объяло пламенем всего. Его тело стало корежить, да так, словно не эльф превращался в человека, а свинья в цаплю. Мертвец разинул рот и закричал, что означало: еще не переродившись, он уже оживал, начинал осознавать происходящее. Представляю, какие бывшему королю сейчас идут системные сообщения. И как они его радуют.

Я продолжал читать, посматривая то в свиток, то на выбитый жезлом глаз Эгланана. Когда же начнется регенерация? Она не начиналась. Пробормотав последнюю молитву, я не сразу поверил, что обряд завершен, поскольку происходившие с новоиспеченным магом метаморфозы вроде бы не закончились. Большой и сильный мужик за минуты превратился в тошлого подростка, но с толку меня сбило не это. Он так и остался перекошенным. Да еще и одноглазым. Ноги враскорячку, позвоночник буквой «S», одно плечо задрано к уху, второе ушло вниз и вперед, правая рука скрючена, а пальцы на ней сжаты в щепоть.

Эгланан – пардон – Онуфрий медленно поднялся и оглядел себя. Взвыл в ужасе и устался на меня. Сочувствия в моем взгляде, естественно, не встретил.

И все же я был потрясен. Никак не предполагал, что «Месть мертвеца» в сочетании с экстренным перерождением способны сотворить с разумным такое. После слов Айка об особенностях талисманов реванша я заглянул в его базу знаний, но обнаружил лишь то, о чем он мне уже сказал. О каких-то других опасностях не упоминалось.

Айк, Торн и Люцифер пялились на Онуфрия, позабыв о восстановлении. Видно, тоже не ожидали такого, когда настаивали на совершении обряда. Потерпевший продолжал выть. Единственный глаз слезился, из уголка рта стекала струйкой слюна.

– Заткнись, скотина! – сказал я. – Получил по заслугам. Хреново тебе? Поделом. Вспомни Мэлори, Руджа и остальных. И что ты с ними сделал.

«И прикинь, что сделал бы со мной, проиграй мы сражение, – подумалось сразу следом. – И какие последствия это для меня имело бы. Теперь-то понятно, на что рассчитывал разработчик характеристик жезла. Его ведь не смертный заряжал свойствами, а кто-то из богов, полубогов или высших демонов. Такие видят будущее, хоть и не в подробностях, и ошибаться могут. Победить должен был ты, Онуфрий, – впрочем, тогда ты остался бы Эглананом. И не имея мага, ты воскресил бы меня жезлом, согласно твоей традиции мучить и казнить уже погибших врагов. Уж я-то точно значился первым в твоём списке, как главный виновник гибели Гольта. И в каком состоянии я бы попал в загробное царство после всех процедур? Приблизительно вообразить – и то страшно. Вот же она, «Месть мертвеца» у меня на шее – точная копия твоей. Веселенький сценарий: ты убиваешь меня как человека, потом как зомби, потом как кривого уродца, похожего на тебя теперешнего, дополнительно искалечив в хлам пытками и заклинаниями. Темные получают меня в упаковке с бантиком, готового на что угодно, лишь бы вернуться в сколько-нибудь презентабельное состояние. Все счастливы. Кроме меня, естественно. Удастся воскресить Жюстину – в первый же день отдам талисман ей. Пускай перекастует его глубоким проходом, аннулировав мои права владельца. И на продажу эту дрянь, на продажу...»

– Требую Суда! – взвизгнул Онуфрий. – Суда Высшей Справедливости!

Я не успел как-то среагировать на этот крик души. Мир вокруг застыл, потускнел, и мы с Онуфрием словно затвердели в нем. Я не мог пошевелиться, не мог даже думать – судя по всему, и Онуфрий тоже. А затем нас окружил сверкающий вихрь, и мы перенеслись в Зал заседаний. Точь-в-точь такой, как в Доме приговоров Арнаура, только просторнее, отделанный богато, и вместе с тем строго. С потолка свисали большие люстры из золота и горного хрусталя. Освещения добавляли факелы в креплениях на стенах. По неприятному мертвенному сиянию я узнал в них пламенники проявления, сводящие на нет любую маскировку. А вот окна светового барабана под куполом были темны, словно снаружи царила непроглядная ночь.

Рядом с каждым факелом замер стражник, а двери стерегла целая децима. От воинов исходила ощутимая мощь. Уровни – от сто двадцатого до двухсотого. Доспехи сверкали драгоценными камнями, но это точно были не украшения. Вот они, значит, какие – бессмертные герои...

На Седалище судий стояло двенадцать малых тронов с одним большим посредине, занятых существами, похожими на зверогуманоидов из пьяного кошмара любителя хардкорного

фэнтези. Впрочем, некоторые выглядели почти привычно: как персонажи древних мифологических пантеонов типа египетского. Их уровни начинались уже с двухсот пятидесятого.

«Боги нынешнего состава Суда, – почтительно подсказала система. – Вы видите их в тех обликах, в которых они обычно появляются перед смертными в Срединном Пространстве».

Я машинально поискал среди высокопоставленных тварей невесту почему засевшего у меня в памяти бога Ру, однако его не обнаружил. Зато через два трона слева от главного судьи восседала Сехмет. Или, вернее, одно из ее воплощений. Самое известное, наверно, – с женским телом и головой львицы, – но не единственное из ей доступных. Небожители, за редкими исключениями, могли свободно превращаться в разумных любых рас и обоих полов, животных, полуживотных и чудовищ. Однако у каждого из них имелся свой излюбленный набор обличей, принимать которые в тех или иных случаях оказывалось практичнее всего: в зависимости от места, и тех, с кем они контактировали.

Первый испуг от попадания в зал прошел. Меня здесь точно не обвинят в чем-то надуманном. Не будут судить за разбой: если я разбойник, то и должен разбойничать, – а чем еще прикажете заниматься? Ответственность за это я несусь лишь по законам держав Срединного Пространства. И только в этом пространстве.

Представляю, сколько дел слушается в Суде одновременно... Неизвестно, как много Мировых Островов во Вселенной Дагора, но уж точно не два или три; в Анналах я нашел упоминания о плаваниях от Аусанга к четырем соседним. И как минимум один из них – сам Аусанг – превосходит по площади мою родную планету. А так как в Суд имеет право обратиться любой их житель, а также всякий находящийся в Мире Теней... Хорошо, что богам помогает вездесущность. Пусть и не абсолютная – она им по-любому подспорье.

– Заседание объявляется открытым! – возгласил председатель, и свечи в люстрах – или что там горело – сразу вспыхнули ярче. – Слушаем тебя, Онуфрий! Держи в узде бушевающие тебя чувства и будь краток. Здесь не место для проявлений гнева, пусть и праведного. Ни к чему и красноречие с многословием: ведь мы уже знаем, что привело тебя сюда. Все что ты скажешь, и все что скажет ответчик, нужно лишь для внесения в протокол, который впоследствии смогут прочесть все желающие – для назидания, и ради убеждения в том, что Справедливость действительно существует и не попирается ни в каком случае.

– Меня зовут Эгланан! – неуверенно вякнул Онуфрий, сраженный тем, что его назвали Онуфрием. – Я король!

– Больше нет, – отрезал председатель.

– Но обряд надо мной совершили преступно!

– Если мы выясним, что это действительно так, то вернем тебя в прежнее состояние, а виновного накажем. Однако пока твое заявление сомнительно. Никто не может считаться преступником до вынесения приговора.

«Да здравствует презумпция невиновности! – подумал я. – И Суд Высшей Справедливости – самый гуманный суд в Игроверсуме!»

– *Не дерзи, смертный!* – раздался голос у меня в мозгу, и я понял, что ко мне мысленно обратилась Сехмет. – *Ты слышал такое выражение – «прикусить язык»? Наверное, слышал. А здесь лучше прикусить и мысли – если хочешь, чтобы у тебя осталось чем думать.*

Конечно, для меня правильнее всего было бы последовать совету. Но какая-то часть моего существа всеми силами воспротивилась этому. Заносчивая зверошлюха! Ты что из себя представляешь, непись хвостатая, чтоб мне указывать? Тебя когда-то создали такие же люди как я – ЛЮ-Ю-Ю-У-У-У-ДИ, понимаешь? Да и то не вручную, а с помощью программ. Не слишком хороших – написанных наскоро за еду какими-нибудь индусами. И ты теперь раскрываешь свою вонючую пасть и смеешь требовать, чтобы я воспринимал тебя и еще дюжину таких же управляемых скриптами вурдалаков серьезно? Вы тут, видно, начисто позабыли, что

над вами есть еще и Демиурги, которые о вас забыли тоже, однако могут в любой момент вспомнить, счесть ненужными, и отключить всю вашу псевдореальность нахер!

Женщина-львица только усмехнулась. Похоже, моя ярость ее позабавила. А меня нет. Кажется, я не злился так никогда в жизни. Еще немного – и бросился бы на Седалище рубить присяжных вместе с председателем, благо меч находился при мне.

– Успокойся! – сказала Сехмет. – *Я просто хотела проверить, действительно ли ты так необычен, как о тебе говорят. А сильные эмоции очень хорошо высвечивают внутренний мир человека. И еще: если хочешь знать, я не НПС. Когда-то была, – но в Версуме почти со дня его возникновения активно шли процессы замещения неписи игроками. Все сколько-нибудь интересные и значительные искусственные личности заменялись настоящими. Впрочем, неинтересные и незначительные тоже – из-за иммунитета к убийству, который статус НПС давал на первых порах. И сейчас подлинных неигровых персонажей в любой из старых вселенных не так уж много. А в некоторых вообще нет.*

– Но как же так? – растерялся я, позабыв даже расстроиться от того, что богиня настолько легко меня затроллила. – *Ты не можешь быть просто игроком... Ты ведь не божество какой-нибудь священной горы, существующей только тут... То есть я хочу сказать, твой перс принадлежит многим вселенным!*

– Значит, я и сама принадлежу к числу тех, кто находится выше отдельно взятых маленьких игр, – со скучными интонациями пояснила Сехмет. – *Мы их переросли и развлекаемся большими.*

– Мультиигроки! – прошептал я, позабыв о необходимости говорить мысленно. Но, кажется, мои губы не шевельнулись, а изо рта не вылетело ни звука. – Разве такое возможно?

– А почему нет? – удивилась моя собеседница. – *Всегда и везде было и будет возможно все, что не запрещено... Однако на твоем месте я не углублялась бы теперь в размышления о тонкостях устройства Версума, – насмешливо добавила она. – Пока Демиурги не отключили нашу реальность, она будет оставаться не менее настоящей, чем их собственная. И тебе следует позаботиться о том, чтобы жить в ней дальше оказалось не слишком паршиво.*

Глава 3

Признав правоту богини, я вновь сосредоточился на происходящем вокруг. И обнаружил, что ничего нового не случилось. По-видимому, Сехмет выдернула меня из потока событий на время разговора.

– Итак, приступим, – важно произнес председатель. – Иван из Каритека! Обвинение ты слышал. Что можешь сказать в свое оправдание?

– Невиновен, ваша честь, – ответил я. – Со всей ответственностью утверждаю, что не имел намерения менять королю Эгланану класс и расу. Жезл предназначения применил всего лишь в качестве оружия, в пылу схватки. Обряд провел только потому, что не мог предвидеть последствий отказа от него, и опасался, как бы они не оказались хуже последствий обряда.

– Объяснение принимается и признается правдивым. А теперь Суду требуется заслушать создателя жезла.

В зале с легким хлопком появилось существо, похожее на огромную безобразную птицу ростом три метра, но с руками вместо крыльев и в наброшенном на плечи красном плаще. Демон Гаханд, как я прочел в профиле. Место постоянной прописки – нижние горизонты Мира Истинного Мрака, они же верхние для вставших на Путь Тьмы.

Гаханду не стали говорить, зачем вызвали. Продвинутые сволочи сами должны понимать, за какое именно деяние их могут дернуть на разборки в тот или иной отрезок времени. И демон понимал.

– Уверяю высочайший Суд, – сказал он, – что свойства артефакту номер шестнадцать из Храма Всех Святых я придал без умысла его насильственного использования мною или моими адептами. И совершенно точно не имел в виду причинение зла королю Эгланану. Признаю, что некоторые качества жезла весьма опасны. И сомнительны в рамках правил Вселенной Дагора. Но встать на грань Закона – еще не значит нарушить его.

– Объяснение принимается! – заявил председатель. – Кто-то из членов Суда хочет высказаться?

Никто не захотел. Я ждал продолжения, надеясь, что вслед за Гахандом будут засвечены и те темные маги, жрецы либо иные лица, которые сподвигли демона на изготовление жезла. Однако председатель лишь упомянул о них, не называя имен, признал трагедию Онуфрия результатом стечения неблагоприятных обстоятельств и частью его кармы, запретил всем участникам конфликта приближаться друг к другу на расстояние меньше дневного перехода в течение десяти лет и объявил заседание закрытым. Онуфрий попытался протестовать, но ему велели заткнуться. Закон суров, но это закон – согласен? Произошедшее с тобой необратимо. Досвидос.

Онуфрий завизжал в истерике, обмочил штаны и исчез в сверкающем вихре. Я сказал: «Минуточку!» – и сделал шаг вперед, чтоб успеть привлечь к себе внимание, пока меня тоже не унесло.

– Слушаем тебя, Иван! – сказал председатель. – У тебя есть какое-то дело к Суду?

– Именно! – подтвердил я. – А так как мне кажется, что по этому делу я вскоре снова окажусь здесь, прошу рассмотреть его теперь же. У меня есть претензии по оплате долга фуриям из клана Гарон и демону Эртриксу. Урегулировать спор в досудебном порядке они отказались. И я прошу Высшую Справедливость вмешаться.

В зале немедленно появились Эрна и Эртрикс. Чуть позже были призваны в качестве экспертов трое мрачных верзил из Вселенского совета воинов. Один из них выглядел живым, второй мертвым, а третий время от времени становился прозрачным. Верзилы подтвердили, что цена за нападение на Каритек завышена. Члены суда согласились со мной, что о каких-то дополнительных выплатах сверх основной суммы можно говорить лишь в том случае, если я

не рассчитаюсь в срок. В итоге общий размер моего долга уменьшился с тридцати шести тысяч до восемнадцати с половиной. Я не выдержал и украдкой показал Этрриксу язык. Получил, жадина? Надо было соглашаться на двадцать! Демон глянул на меня с высоты своего роста, дернул хвостом и отвернулся. Председатель произнес формулу запрета на сближение – похоже, стандартную, – и объявил заседание закрытым. Эрн возмутилась, как до нее Онуфрий, только не визжала так громко и не обоссалась. Этррикс снес поражение молча, и обоих тут же унес вихрь.

– Прошу прощения! – сказал я, ободренный успехом. – Боюсь спросить: а не рассмотрит ли высочайший Суд еще одно дело? Даже не знаю, стоит ли оно вашего внимания, поскольку это не дело даже, а так, дельце. Но у меня, как у разбойника, нет шансов на его рассмотрение в обычном суде. А понесенный некогда ущерб не дает мне покоя.

– В таком случае ты вправе обратиться к Справедливости еще раз! – позволил председатель. – Ты все равно уже стоишь в ее чертоге. И правильно поступил, что не захотел покинуть его с грузом на душе.

– Благодарю за терпение и понимание, – поклонился я. – И раз уж позволено, то я предъявляю иск на сто золотых великому Герхарду, придворному магу Генриха Каритекского. Когда-то я проявил себя в бою с Хонором на Треугольной площади Каритека, за что мне полагалась награда от города. А Герхард ее удержал – под тем предлогом, что якобы я не сумею потратить деньги разумно и без вреда для себя. Прошу Суд признать это гнусным лицемерием и взыскать с ответчика указанную сумму. Плюс проценты: по правилам награды выдаются в тот же день или на следующий, если только награждаемый находится в пределах досягаемости. Я, без сомнения, находился. И получив деньги вовремя, мог бы к сегодняшнему дню многократно приумножить их вложениями в торговые операции.

– Дело принято к рассмотрению! – объявил председатель. – Вызывается ответчик, и да окажется он здесь, где бы ни обретался!

В двух шагах от меня возник Герхард. Выслушал обвинение, посмотрел на меня и сказал:

– Ну ты и наглец!

Не без уважения. Даже с толикой восхищения, как мне показалось.

– А разве ты не наглец? – осведомился я. – Зажал несчастную сотню желтяков для бедного ополченца! Не стал бы тебе об этом напоминать, тем паче что и возможности не было; да тут Эгланан вытащил меня сюда, удачи ему и счастья в новой жизни.

– Король мертв? – поразился Герхард.

– Нет. Но, думаю, предпочел бы умереть.

– Что ты с ним сделал?

– Долго рассказывать. Хочешь – узнавай сам, когда окажешься опять в своей Толстой башне.

– А где эльфийская дружина?

– В Мире Теней.

Герхард потерял выдержку и сжал кулаки.

– Ты настоящее стихийное бедствие для нашего мира! – процедил он. – Не перестаю жалеть, что не уничтожил тебя сразу же после появления в Версуме. Ты хоть понимаешь, какую опасность представляешь для окружающих?

– Нет, не понимаю! – отрекся я. – И не желаю понимать. Пока что я вижу, что это окружающие представляют опасность для меня. Сперва Креппер гнобил как хотел, а теперь почти каждый встречный пытается убить. Мне что – просто сидеть и ждать, пока у кого-нибудь получится?

Герхард промолчал. Я и не подумал бы подавать на него в Суд – не из-за ста же золотых, чего смеяться! Но меня сразило и разозлило решение по делу Эгланана-Онуфрия. Да, оно оказалось в мою пользу, однако при этом бывшему королю не помогли ничем. Вообще ничем.

Даже кривобокость не исправили. То есть бесполезно просить богов о снятии осложняющих перерождение закланий с Мэлори и остальных казненных в «Гавани». А я-то собирался поднять этот вопрос сразу же после решения личных проблем – и когда понял, что бесполезно, вспомнил про Герхарда. И подумал: а почто он там наслаждается спокойствием, когда у меня на душе погано? Пусть ему тоже станет погано.

Третье разбирательство оказалось таким же скоротечным и скучноватым, как первые два. Не так я себе это представлял – совсем не так. Читанные мной старые стенограммы Суда, и что я о нем знал из базы, заставляли ожидать чего-то продолжительного, торжественного и грозного, а в действительности процессы походили на торопливо-обыденное разрешение феодалом мелких склок между подданными. Все делалось быстро, слушания проводились поверхностно, допрашивали только главных свидетелей. Видно, в последнее время Высшая Справедливость столкнулась с теми же трудностями, что и управляющая Версумом система. Слишком много задач необходимо постоянно решать, и их число лишь растет, а ресурсов не хватает. И Суд начал избегать всеобъемлющих дотошных расследований, коими прославился в прошлом. Наверно, скоро и число заседателей сократится вполтину, чтобы из одного Суда сделать два. А под конец он вообще будет представлен четырьмя расстрельными тройками.

Поступок Герхарда признали заслуживающим глубокого порицания. Проценты на сто золотых назначили максимальные, а кроме того, постановили оштрафовать мага на круглую сумму, половина которой отходила мне. Чтоб, значит, компенсировать не только материальный ущерб, но и моральный. Герхард защищал себя умело, но как-то без огонька, почти нехотя, и после оглашения приговора только пожал плечами: проиграл – значит, проиграл, ничего не попишешь. Интересно, как он себя поведет, буде меня поймают еще раз? Ему ведь придется уехать из Каритека, если не захочет нарушить запрет приближаться ко мне на дневной переход... В конце председатель спросил, есть ли у кого вопросы к истцу или ответчику. Члены суда промолчали, только Сехмет попросила паузы, встала с трона, спустилась с Седалища по короткой широкой лестнице и отвела меня в сторону, к стене зала.

Оказавшийся к нам ближе всех воин по знаку богини покинул свой пост и отошел подальше. Мы как бы остались наедине: я это почувствовал, хотя и не знал, каким образом Сехмет удалось организовать условия для приватного общения в публичном месте. Она встала так, что почти полностью спряталась в собственной тени; мое лицо ярко освещал горящий за ее спиной пламенный прояснения. В другой ситуации мне это не понравилось бы, а сейчас я был доволен. Вблизи женщина с головой львицы и звериными лапами вместо рук неслабо пугала.

– Откуда у тебя этот плащ? – спросила она, небрежно коснувшись заброшенной на мои плечи эгиды.

– Взял как добычу в бою, – ответил я. – Теперь должен вернуть законному владельцу.

– Очень верное намерение. Я знала лишь нескольких воинов, имевших такие плащи, и ни один не расстался бы со своей эгидой добровольно. Разве что...

Сехмет умолкла, не закончив фразы, будто вспомнив о чем-то давно забытом. Ее морды я почти не видел, да и что сумел бы по ней прочесть? Не специалист ведь по мимике крупных кошачьих.

– А как там, в других вселенных? – неожиданно для самого себя спросил я.

Кажется, богиня не обиделась, что оторвал ее от раздумий. Она не то усмехнулась, не то рыкнула, и сказала:

– Примерно так же, как в этой. То есть беспокойно. Конкуренция между игроками всех уровней с каждым годом становится жестче. Думаю, Демиурги совершили большую ошибку, позволив людям бесконтрольно размножаться в реальности-два. Ты даже не представляешь, как быстро это происходит, когда никто не умирает. А ведь предки всех разумных Версума именно люди, а не кто-то еще.

– А здесь действительно никто не умирает?

– Обычно нет. Но исключения бывают из чего угодно.

Сехмет опять замолчала. Я подозревал, что она изначально имела именно человеческую сущность. И не просто, а была именно из тех первых игроков, которых сама только что назвала предками. Возможно, что и моей соотечественницей. Не зря же она поняла прикол про самый гуманный суд.

– Вы неоправданно долго задерживаете всех нас, святейшая Сехмет, – раздался с Седлища недовольный голос толстяка с головой слона. – Как понимаю, ваш с Иваном разговор не имеет отношения к темам заседаний и может вестись в другом месте.

Богиня вздрогнула.

– Прошу меня извинить, – сказала она. – Вы совершенно правы, святейший Ганеша, и я немедленно возвращаюсь.

– Еще увидимся? – невольно вырвалось у меня.

– А разве ты этого хочешь? – удивилась женщина-львица.

– Заседание объявляется закрытым! – подвел итог председатель. – Следующее дело!..

Меня подхватил знакомый сверкающий вихрь, и я обнаружил себя стоящим посреди разгромленного эльфийского лагеря. Точно в той позе, в какой находился, когда Онуфрий воззвал к Суду. Все так же стоял у корыта Люцифер, сидел у колеса повозки Айк, лежали подле него волколатники. Только самого Онуфрия не было. Застывший мир потерял твердость, и я смог пошевелиться. В Срединном Пространстве, наверно, прошло всего несколько секунд. Айк и остальные видели вихрь, и как мы с бывшим королем скрылись в бушующем сиянии. А больше, должно быть, ничего.

Моя правая рука вцепилась во что-то весомое, тянущее ее к земле. Я посмотрел вниз и увидел, что держу два кошелька, большой и маленький, с вышитыми на них гербами. А-а-а, это почти тысяча золотых от Герхарда. Точнее – восемьсот сорок восемь от него, а сто от Каритека. Один из гербов городской, а второй – мага. Ну да, странно было бы, не иметь такой волшебник, как Герхард, своего герба.

«Вы выиграли три дела подряд в Суде Высшей Справедливости, – похвалила меня система. – Награда: 1000 очков Дарований и очередной уровень».

Вот как? Неожиданно. И отрадно. После схватки с Хонором я наградных уровней не получал: ни за эпичный разгром Каритека при побеге из ополчения, ни за предотвращение нашествия вендиго, и утвердился в мысли, что эта плюшка доступна лишь для начинающих. Сорок первый уровень я взял во время боя с остроухими. Теперь сорок второй. Хороший рост показываем, а?

«Ваше достижение отмечено упоминаниями в Летописях Аусанга и Анналах Вселенной Дагора. Целых полгода на вас будет лежать Печать Справедливости, помогающая решать любые спорные вопросы в свою пользу. Остерегайтесь, однако, использовать это в нечистых целях».

Да уж у меня и самого хватило бы ума не размахивать Печатью при мошеннических сделках. Так что предостережения излишни. Клянусь прикрываться Справедливостью лишь от явной и несомненной Несправедливости. Готовьте достижение «Ум, честь и совесть отдельно взятого Мирового Острова» через полгода...

Люцифер за свои геройства поднялся на два уровня без всяких наград, и мы с ним по-прежнему вровень. Торн и оба его выживших собрата получили по одному. Только Айк обломился несмотря на все старания. Ну, у него восемьдесят третий – на такой высоте все сложно.

Еще сложнее только у Весточки. У нее уровень не рос вообще. Она ничего не получила даже за нападение на Киану, хотя тот ее подвиг, несомненно, был достоин внесения во все анналы. Без ее вмешательства мы с Люцифером неизбежно погибли бы. Правда, в профиле птички значилось гордое: «Находится под особым покровительством богини жертвенной любви Агапэ». А это дорого стоит. Такого рода отличиями разве что первожрецы похвастать

способны, да самые преданные адепты, каких в любой религии можно на пальцах пересчитать...

Так, все: эльфы побеждены, Онуфрий остался при своем интересе, с собственным долгом я вопрос решил, чужой должок взыскал. С великими деяниями покончено, пора погрузиться в мелкие повседневные заботы. А их полно – только разгребать успевай.

Глава 4

После возвращения с Суда я не только стал богаче – чувствовал себя полностью обновленным, точно заново родился. Это походило на сверхбыстрое восстановление, плюс еще существенный довесок сверх того: энергия буквально была из меня ключом. Что было очень кстати.

Я уложил в подготовленную мальчишками повозку тела Жюстины и волколатников и принялся за раздоспешивание убитых врагов, их коней, и сбор прочих трофеев. Мы стали обладателями огромного богатства: всего имущества, взятого остроухими в «Гавани», а также оружия и снаряжения их собственной дружины. Теперь требовалось сберечь баснословную добычу. Окажись рядом какая из банд, ее не удержит от нападения на нас разбойничья этика – соблазн будет слишком велик. И я хотел как можно быстрее перебраться от озера на пепелище разгромленной таверны. Тамошняя засека, пусть и пострадавшая при штурме, все еще способна сильно затруднить атаку даже большого отряда.

Эльфийский маг добывал ману на воскрешение воинов в первую очередь за счет приношений духам самых габаритных и неудобных для дальнейшей транспортировки вещей из «Гавани», и в повозках оказалось достаточно свободного места. Я грузил в кузова латы, оружие, свернутые наспех палатки. Под упавшим королевским шатром обнаружил тяжеленные седельные сумки с клапанами особого покроя и мощными застежками. Подняв, сразу понял, что это: вторая походная казна в моей жизни. И на сей раз не виконта занюханного, а пусть и подчиненного Оргою, но все же монарха.

В одной из сумок лежали обычные золотые монеты, а во второй – гроссы. Я взял один и подкинул его на ладони. В нем было заметно больше веса, чем в десяти желтяках, поскольку металл для чеканки использовался не вполне чистый, а законы Вселенной Дагора не допускали порчи игровой валюты. Использовать золото с примесями позволялось, – но тогда и отмеряй его больше...

Я все вертел и вертел гросс в пальцах. Что-то не давало мне бросить его обратно в сумку. Сперва требовалось кое-что понять. Кое-что важное. Я не знал, почему оно важно, однако чувствовал, что очень. Одни и те же мысли вращались в мозгу вокруг этого важного, словно спутники вокруг большой туманной планеты.

Снова и снова вспоминалась необъяснимая жестокость Эгланана после падения «Гавани». Ну ладно, он пытал пленных. Допустим, хотел выяснить, кто принимал участие в казни Гольта, и покарать виновных с особой суровостью. Однако зачем король воскресил Руджа, Мэлори, и так яростно расправился с ними? Как раз они ведь Гольта пальцем не тронули? И подвергнутые пыткам должны были сказать об этом.

Снова и снова приходила на ум дружба эльфийского короля с вампирским князем Анзенкамом. Более чем странная.

И не давала покоя невероятно большая сумма в сто гроссов, обещанная Эглананом за сведения обо мне.

Все это как-то связано, я был уверен. Но как?

И наконец я понял.

Рудж и Мэлори были воскрешены для садистского умерщвления не потому, что как-то навредили королевскому сынку. А потому, что один из них был соратником капитана Гамбара, а другая – его дочерью. Именно Гамбар, пиратствуя на Рифовых морях, взял на abordаж тот корабль, на котором эльфийский принц плыл в Империю за невестой. А самого принца отправил к праотцам.

Вампирский князь интересен не тем, что дружил с Эглананом. А тем, что не кто иной как он выполнил заказ на старого корсара, передав его в лапы Собирателя душ. Именно Анзенкаму принадлежал свиток с именами, обнаруженный мною среди вещей вампиреныша, что пробовал

на мне техники подчинения и едва не убил Люцифера упакованным файерболом. Наверно, юный кровосос был одним из воспитанников князя, о которых говорил Айк. Скорее всего – последним.

Гроссы за инфу важны не оттого, что их много, а оттого, что они гроссы. Именно из этих редких в обращении монет частично состоит клад лабиринта духов. Первоначально это был дар короля эльфов Каграла правителю имперских эльфов. Вскоре после смерти принца капитан Гамбар по каким-то признакам понял, что грохнул парня, которого убивать не следовало. Он спешно завершил пиратскую карьеру, засел в глухом медвежьем углу на суше, а дар спрятал в пределах доступности, но подальше от себя. Видно, боялся, что на ценности может быть наложено такое следящее заклинание, которое хрен обнаружишь.

Тем не менее Эгланан разыскал убийцу сына и расправился с ним чужими руками. Когда же спустя много лет узнал, что Гольт погиб в той самой таверне, которая когда-то принадлежала Гамбару, совершенно озверел.

Ну да, его можно понять. Теперь, догадавшись о подоплеке случившегося, я короля понимал.

Только как он узнал?

Ответ на последний вопрос я нашел после обыска трупа старшего мага. Среди его вещей был магический шар размером с бильярдный, похожий на большую жемчужину. Когда я взял шар в руки, он стал прозрачным, и по нему проплыли искаженные кривизной поверхности, размытые по краям картинки: лицо Гольта, лес вдоль Разбойничьего тракта, еще что-то...

Я постоял чуть-чуть, глядя в землю прямо перед собой. Как-то слишком уж тесно переплетались с моей судьбой и друг с другом самые разные события, и мне это не нравилось. В своем мире я привык к тому, что большая часть происходящего не имеет особого значения и обычно кончается ничем. А здесь, похоже, любая мелочь была важна и получала продолжение. Но так ли это в самом деле? Если да, то следует приложить все усилия для понимания пока непонятного. Иначе запутаюсь в бесконечных продолжениях как муха в паутине. Надо научиться рвать хотя бы некоторые нити.

Мык и Живчик ловили в лесу лошадей и приводили их в лагерь. Некоторых, убежавших слишком далеко, найти не смогли. Но эльфы вчера забрали из конюшни «Гавани» всех, что там стояли, то есть гораздо больше, чем требовалось для повозок. А потому нам и обнаруженных поблизости животных хватило. Проблема была лишь в нехватке возниц.

С одной повозки, полупустой и самой большой, я снял верх, и стал перетаскивать немногие лежащие в кузове вещи в другую. Почти управившись, увидел на самом дне какой-то длинный предмет, припорошенный соломой, и не сразу поверил, что там лежит всего лишь меч в ножнах.

Уж это был меч так меч, я вам скажу! По сравнению с ним эспадон Раймондо де Колеансо показался бы безобидным сувениром. Лезвие два с половиной метра в длину и без малого в четверть шириной; гарда в полтора локтя; рукоять сантиметров десять в диаметре. А весил он больше пуда.

– Это двуручник Лины, – сказал Живчик, заметивший мое ошеломление и подбежавший посмотреть на причину. – Он у нее всегда висел над дверью из кухни в обеденный зал. На случай больших осложнений.

– В смысле – кому-то осложнения устроить? – уточнил я. – Ну да, этой штукой можно. И не просто большие, а великие.

– Да нет! – засмеялся мальчишка. – Лина в таверне долго работала, но так никого и не убила. А мечом только однажды постояльцев припугнула, когда из-за ссоры двух контрабандистов началась общая драка. Выскочила с ним в зал, как заорала – все сразу успокоились.

– Еще бы! Я тех драчунов отлично понимаю.

Пристроив чудовищное оружие к борту, я заставил костомеха подползти на карачках к повозке и улечься в кузов. Отрубленную ногу погрузил вручную. Помог забраться на задок совершенно ослабевшему лешему. Кажется, все, можно ехать.

Живчик и Мык выстроили повозки друг за другом, после чего один из них сел на первую, а второй – на последнюю. Остальные, включая меня, встали по бокам, и нам удалось довольно слаженно и без особых усилий заставить обоз сдвинуться с места. Потихоньку, помаленьку, тихим шагом мы выбрались на тракт. Успевший немного оправиться Люцифер ходил вдоль повозок, «воспитывая» лошадей, главным образом успокаивая. Многие из них только вчера впервые попробовали себя в роли гужевых и нервничали в непривычной упряжи, и еще более непривычной роли. Но с другой стороны, почти все они принадлежали преступникам, и чего только не успели пережить и повидать со своими прежними хозяевами. Подумаешь – пройти немного в оглоблях, таща за собой дурацкие телеги.

Минут через тридцать мы были на месте. Айк тут же повез погибших волколатников и Жюстину в «Дубы». Торн взялся его сопровождать, а мне и мальчишкам досталось разбивать лагерь. Перво-наперво мы перегородили повозками проход в засеке. Затем осмотрели саму засеку, выискивая уязвимые места. Их можно завалить горелыми бревнами и досками. Где-то повозки поставим, где-то уцелевшие волколатники пусть дежурят. А костомеху я костыль сделаю. На костыле, да с мечом Лины он у меня в случае чего еще повоюет – нехрен просто так в кузове валяться.

До нашествия эльфов в «Гавани» было два источника питьевой воды: родник у конюшни и колодец у таверны. Родник оказался завален головнями и засыпан пеплом. У колодца сгорела защищавшая его сверху двускатная крыша, обуглился ворот и сильно пострадала от огня верхняя часть сруба. Внутрь, естественно, тоже нападало пепла, и мы решили, что чем заморачиваться с чисткой и новый ворот делать, так проще раскопать родник. Ну а продовольствия у нас просто завал – припасы эльфов и содержимое погребов Мэлори. А она была девушкой хозяйственной.

Излившаяся на меня после Суда энергия не иссякала. Усталости не чувствовалось, живучесть не падала. Причин такому своему состоянию я не находил, и это раздражало. Опять какая-то таинственная фигня происходит, значение которой следовало бы понять, но это легче сказать, чем сделать. Возможно, Сехмет решила меня подогреть неким секретным способом. Возможно, проявляет себя моя скрытая сущность. Возможно все.

Завершив по минимуму обустройство лагеря, я приставил Мыка и Живчика кошеварить и приступил к захоронению погибших при обороне таверны и казненных Эглананом после. Кладбище «Гавани» находилось в лесу сразу за засекой, с противоположной от тракта стороны. Самой свежей там была могила убитого Иганом сумасшедшего Шлима: Руджа и Мэлори я зарыл рядом, а для остальных выбирал места где придется. Катафалком служила освобожденная от костомеха повозка, ямы я копал снятой с ее задка лопатой, бог весть зачем крепившейся там в зажимах, как на армейском грузовике. Хоронил неглубоко, накладывая на каждую могилу заклинание против охочего до мертвечины зверья. Для Лины пришлось вырыть целый котлован – старшая официантка и так была объемна, да еще раздулась словно дирижабль. Я ее с дерева на повозку еле спустил – Люцифер-то еще недостаточно восстановился, налаживать отношения с незнакомыми лошадьми сердце не лежало, и приходилось управляться в одиночку.

Ни у кого из покойников не просматривались профили: похоже, это было следствием стараний мага Эгланана. Тех, кого не удалось опознать, я укладывал в заранее выкопанную общую могилу. С повешенными разобрался сравнительно быстро, а обгоревшие и почти полностью сгоревшие трупы с территории таверны разыскивал под головешками и возил на кладбище до позднего вечера. Собственно, волколатники их разыскивали; мне и с остальным возни хватало.

Закончив, я оперся на лопату и осмотрел разросшийся моими стараниями погост. В подступающих сумерках как попало расположенные неаккуратные холмики, которые к тому же были разного размера, выглядели последствиями спешного вскрытия подземного канала наверху под зиму теплотрассы. Мысленно присвоив себе звание «Наихудший мастер кладбищенского дизайна», я открыл в базе знаний Книгу поминовений, намереваясь прочесть что-нибудь оттуда. И тут же закрыл – и ее, и базу. Неохота: настроения нет соблюдать дурацкие формальности и становиться в придачу самым хреновым псаломщиком, когда-либо проважавшим мертвых в последний путь.

Никогда не понимал я связанных со смертью обычаев: всех этих молитв об упокоении душ, последних слов, целований жмуриков, слезных завываний над ними, последующих пьянок по графику и прочей некрофилии. Для меня похороны всегда были утилизацией опасных в токсическом и эпидемическом плане отходов человеческой жизнедеятельности, слава богу последних. И пусть в Версуме погребальные обряды как раз имели смысл, как облегчающие перерождение или препятствующие ему, меняться я пока не собирался. Взять хотя бы именно этот случай – не сумею ведь я скомпенсировать погибшим тот вред, что нанес им эльфийский маг. Скорее усугублю: он появление на пожарище мортуса-недотепы вроде меня конечно же предвидел, и принял меры. Вот возвратится Айк – пусть он и займется камланиями, облегчающими участь убиенных. Если сочтет нужным и возможным.

Далеко слева в лесу зашуршало. Я глянул туда и увидел, как сверкнули желтизной в зарослях чьи-то глаза. Темная сторбленная тень метнулась в сторону, остановилась, а затем стала медленно приближаться к могилам неуверенным крадущимся шагом. По манере передвижений я понял, что это не волк и не другой обычный зверь, а монстр, и взял лопату наперевес. Давай, иди сюда – никого еще не убивал лопатой, а ведь хочется попробовать! Монстр почуял мое живодерское настроение, осуждающе взвыл и убрался прочь. Трусоват оказался. Или пошел за подмогой? Смотри, мало не приводи, а то обижусь.

Я бросил лопату на повозку и повел усталых лошадей к проходу в засеке, размышляя, насколько скверной окажется сегодняшняя ночь, если нечисть шляется вокруг еще с вечера. Маг Эгланана не врал своему королю, когда говорил об окутавшей пепелище таверны ауре смерти. Она отпугивала нормальных лесных обитателей и привлекала упырей, слабея с каждым часом, но очень медленно. Хуже всего, наверно, тут было после захода солнца вчера. Сегодня я мал-мал прибрался – по крайней мере горелые кости и мясо всюду не валяются и висельники не оттягивают ветки целыми гроздьями, – только достаточно ли этого для безмятежного отдыха? Конечно, у нас магический круг есть, однако он слишком мал. Всех лошадей внутрь никак не загнать. И будет чертовски грустно смотреть, как монстры выпускают им кишки. Если еще сами уцелеем. Испуганные первой же пробравшейся внутрь засеки тварью животные могут порвать пути и растоптать нас всех, кроме разве что Люцифера.

Выпустить их из ограды, что ли?

Нет, лучше спутать понадежнее. Какая разница, в конце концов, где их убьют – внутри или снаружи. Внутри я могу хотя бы попытаться их защитить. Сколько ни занимался земляными работами, а все свеж как тюльпан майским утром.

Волколатники целый день отъедались кониной, которую я для них нарезал в эльфийском лагере, но в норму пока что близко не пришли. Люцифер выглядел так, словно совершил путешествие во времени и вновь превратился в престарелого одра из обоза его высочества герцога. Леший лежал без движения, отошавший хуже узника Бухенвальда. Может, принести жертвы духам и попросить защиты от упырей? Трофеев море, не жалко – однако ушлые бесплотные знают, сколько добра у нас всего. Обычным большим подношением они не удовольствуются. Тем более малым. Наши пока не высчитанные доли добычи сильно уменьшатся. А мне еще остаток долга фуриям отдавать! А он и урезанный Справедливостью не маленький...

Лучше я жертвоприношениями в обмен на ману и живучесть займусь. Поддержу членов клана напрямую. А с монстрами сами разберемся.

Повозка почти выехала на тракт, когда лошади занервничали. Я посмотрел туда, куда смотрели они, – ничего подозрительного не заметил, но, конечно, не успокоился. У прохода в засеку меня встретил Люцифер.

– *Кто-то приближается к нам со стороны «Дубов», – сказал он. – Идет лесом, пешиком, однако с ним конь. Я уже с минуту слышу их обоих. А чуть раньше, кажется, слышал стук подков.*

– Значит, этот «кто-то» сперва скакал верхом по тракту, а потом свернул в лес? Если так, то это может быть только разведчик. За которым следует целый отряд.

– *Или просто разведчик. От Глена. Айк, понятно, не рассказывал хозяину «Дубов», откуда привез покойников на воскрешение, и в схватке с кем они погибли. Но Глен мог сам догадаться. И послал кого-нибудь проверить.*

– Надеяться надо на лучшее, а готовиться к худшему. Пока не узнаем наверняка, будем считать, что за разведчиком следует сам Глен со всеми, кого он смог собрать. А Айка и Торна уже нет в живых.

Глава 5

Я загнал свой катафалк внутрь засеки и сдвинул повозки, стоящие в проходе, закрывая его. С удовольствием сделал бы вылазку и захватил этого парня в лесу, будь он без коня. Но ведь он может удрать, и я окажусь далеко от укрепления и Люцифера с волколатниками. Вдруг у противника на то и расчет? Недаром же разведчик движется так неосторожно. Вдруг настоящий разведчик подле нас уже побывал, а этот – чебачок для ловли на живца? Как будто специально старается, чтобы в районе «Гавани» обнаружили его приближение загодя.

Впрочем, вскоре он начал вести себя тише. А после и вовсе вернулся на тракт и подошел к засеке не скрываясь, ведя коня в поводу. Это был тот самый проводник, которого Глен когда-то выделил мне, давая напрокат лошадь. Насколько я помнил, звали его Палаш. Он был все так же хмур, точно ни разу с тех пор не пришел в хорошее настроение, так же нескладен, и того же сорок первого уровня.

– Привет, Иван! – сказал он. – У меня к тебе послание от Айка.

– Кидай через повозки, – предложил я. – Сперва прочту, а потом поговорим.

Палаш швырнул внутрь засеки какой-то тяжелый предмет. Я его поднял: это оказался свиток, только высеченный из камня. Не развернуть и не прочесть. Посторонним. У меня в руках он превратился в пергамент. Аик писал, что у него все благополучно. Что шаман Глена принял наших мертвяков на воскрешение. И что я могу, с известными оговорками, доверять Палашу.

Я снял с шеи амулет Айка и поднес к пергаменту. Черный камень вспыхнул бриллиантовым сиянием, подтверждая подлинность свитка. Понятно, почему Палаш так шумел на подходе. На самом деле он не шумел. Зная расстояние от «Дубов» до «Гавани» с точностью до шага и желая проверить обстановку, как я только что свиток проверял, проводник съехал с тракта загодя, и Люц его ни за что не услышал бы, не работай послание проклятого как нацеленный на нас передатчик звуков.

– Давай, заходи, – предложил я, откатывая чуть в сторону одну из повозок.

Палаш вместе с конем протиснулся в образовавшуюся щель. Я сразу обратил внимание на туго набитые седельные сумки, скрутку из одеял и кожаного палаточного навеса, привязанный к ней котелок. Так в короткую поездку не собираются.

– Ушел я от Глена, – пояснил проводник. – Насовсем. Давно собирался – не ладили мы. После его отказа против Эгланана выступить вообще на ножах оказались. А тут этот Аик вернулся. Я с ним не знаком, но знаю людей, которые хорошо знают его. Он посоветовал мне повидаться с тобой: мол, ты будто бы скажешь нечто дельное, куда можно пристроиться. И если знаешь, то скажи. Сам воспользуюсь и кое-кому еще передам при случае. В «Дубах» многие из мастеровых, лавочников и услуги тоже хотят уйти. Никому не понравилось, как Глен повел себя в этот раз. Надо было выручать «Гавань», а он... Нашута работать на того, кто способен соседей вот так в беде бросить?

Я оценил проникаемость Айка, который понял складывающийся у меня в голове план раньше, чем я сам его полностью осмыслил, и гостеприимно улыбнулся Палашу:

– Считаю, что ты уже пристроился. И остальным из «Дубов» место найдется, только чуть позже. В подробности посвятить пока не могу, но платить за услуги готов прямо сейчас. И перво-наперво мне край как надо Меченого разыскать, где бы он ни находился. Его обычные места промысла тебе известны?

– Примерное представление о них имею.

– Хочешь – теперь же отправляйся, хочешь – подожди до утра. На ночь выезжать опасно, однако и здесь с наступлением темноты может стать горячо. Одного монстра уже видел, и он

бродит где-то поблизости. Чувствую, скоро и другие появятся. Нападут или нет – неизвестно, но понервничать точно заставят.

– Останусь, – решил Палаш. – А чуть свет выеду. Не тянет к стану Меченого приближаться впотьмах. Каторжник на промысле нервный. Как и его ребята. Убьют еще по ошибке – доказывай потом из Мира Теней, что ничего плохого ты не желал.

– Тогда готовься к дракам тут, – сказал я. – Люцифер и волколатники смогут дежурить в очередь, и тревогу чуть что поднимут, будь спокоен. Однако они ослаблены ранами, и сражаться придется только нам с тобой.

Пока ужинали, совсем стемнело. Из окрестных чащоб на засеку напoлз туман и сгустился в ней, словно некие неведомые законы помогали ему концентрироваться в мешанине поваленных деревьев. Первые монстры попытались напасть на лошадей еще до того, как мы легли. Расправившись с гадами, мы вытащили трупы за ограждение и насадили на сучья с внешней стороны. А Палаш еще изуродовал тела, вспорол животы и развесил потроха на ветвях вокруг. Благодаря этому первая половина ночи прошла относительно спокойно: подтягивавшиеся из леса упыри видели погибших собратьев и не спешили разделить их участь. Они рычали, выли, мешали спать, но на четко обозначенную запретную территорию не совались. Некоторые для разрядки сцеплялись друг с другом, кого-то слабого сожрали сообща. Новые атаки на нас начались часа в два пополуночи и продолжались с перерывами до рассвета. Палаш показал себя хорошо, бился храбро. Уехал он сразу после того, как стало ясно, что больше нападений не будет. Стук подков коня проводника по плитам тракта затих вдали, а я еще долго вслушивался в звуки занимающегося утра. Не набросится ли кто на моего посланника? Не донесется ли крик о помощи? Но Палаша или не тронули, или его убили тихо. Если не вернется в течение трех дней, придется слать к Меченому кого-то еще.

Айк прикатил из «Дубов» к обеду – с живой Жюстиной и двумя воскрешенными волколатниками. С третьим, убитым одним из эльфийских воинов-магов, шамана постигла неудача: погибший пострадал не только от оружия, но и какого-то хитрого сопутствующего заклинания, последствия применения которого устранить не удалось.

Торна шаман отлечил полностью. Айка – не до конца, квалификации не хватило. Зато проклятый запасся в магической лавке «Дубов» всеми необходимыми зельями для самолечения. И про остававшихся со мной броневолоков не забыл, конечно же, и про Люцифера.

Жюстина увидела обтянутый шкурой скелет лешего, округлила глаза, ужаснувшись состоянию своего несчастного питомца, и залила ему столько маны, сколько могла себе позволить. Леший тут же поднабрал веса и ожил, будто и не лежал только что пластом, делая чисто символический вздох раз в минуту. Все же у «карманных» петов есть одно несомненное преимущество: хоть волшебную силу они потребляют центнерами, а в случае получения серьезного урона – килотоннами, зато кроме нее им ничего и не надо.

– Спасибо, что не оставил покойницей, – сказала мне Жюстина, сворачивая лешего в интерфейс. – Этот милый мальчик сам по себе вытаскивать меня с того света не стал бы, – добавила она, кивнув на Айку.

– Этому милому мальчику лет сто пятьдесят только в текущей жизни, – ответил я. – И именно он убил твоего убийцу, в то время как мне было некогда. Обдумай в свете этого еще раз перспективы нашего сотрудничества для себя лично. Уже в следующем бою мне снова может оказаться недосуг даже отомстить за тебя, не то что спасать. А за воскрешение не благодари. Его стоимость я вычту из твоей доли.

– Ах так?..

– А как ты хотела? Привыкай к дисциплине. Именно такой порядок всегда существовал, и по сей день остается – должна знать. Если у погибшего были деньги, или ему что-то причитается, на что право имеет, а получить не успел, то и оживление за его счет. Если не было, не причитается, или средств недостаточно, тогда командир решает, воскрешать голытьбу или

нет. Единолично, вместе с избранными членами клана или всеми без исключения – зависит от ситуации, нужности покойника, общих и частных симпатий-антипатий к нему. Поэтому постарайся вести себя образцово. Чтобы в случае твоей повторной смерти мне захотелось тебя воскресить несмотря ни на что. Я, со своей стороны, тоже буду белым и пушистым, насколько смогу. Поскольку если погибну – ты станешь командиром. Как минимум до конца боя, дележа добычи и разбора полетов с утрясанием главного вопроса. Вот этого самого: кого воскрешать, а кого нет.

Жюстина фыркнула и начала готовиться к ремонту костомеховой ноги. Айк вызвался посодействовать. Они воздвигли алтарь из горелых досок и покрыли его плащами Эгланана и его старшего мага. По краям разложили для подзарядки накопители, посередке бросили что-то на жертву. Дальше я смотреть не стал. Жюстина в целом свое дело знала – нафига у нее над душой стоять. А не справится с чем – поможет милый мальчик.

На следующий день прибыл со своей бандой Меченый. Палаш нашел его там, куда в первую очередь поехал, и в общих чертах рассказал о недавних событиях: о чем знал сам и услышал от меня. Конечно, Меченый тут же плюнул на промысел ради вырисовывавшихся выгод, которые сразу почуял.

– По дороге все думал, не определиться ли к тебе в подмастерья, – сказал он мне. – Учеников берешь?

– Наставник из меня хреновый, – ответил я. – Добываю много, а распорядиться этим с толком или не успеваю, или соображения не хватает. Вот, как видишь, опять отхватил жирный куш, и не знаю, как такую большую порцию проглотить, чтобы не подавиться. Трофеи трофеями, но ведь мы кроме того еще и коммерчески важную позицию на тракте заняли. Мэлори и Руджа убили так, что в Срединном Пространстве они объявятся не скоро, вряд ли в своих телах, и им точно будет не до земельно-имущественных претензий. Наследников они не потрудились завести, а из возможных преемников мы тут самые законные. Запросто можем отстроить «Гавань» заново и считать ее своей. Только знаешь ли, не хочу я с этим возиться. Айк тоже не станет, Жюстина одна не справится. Броневолки не в счет, им такое вовсе не под силу. Поэтому восстановлением заведения предлагаю заняться тебе. Никогда не хотелось бросить разбой и завести собственный бизнес?

– А условия какие? Вы что – просто возьмете и подарите мне таверну?

– Зачем сразу «подарите»?.. Кстати, могли бы и подарить: от таверны тут, как видишь, только засека да стены первого этажа, и те требуют починки. А ты отличный парень, так и напрашиваешься на подарок. Но мы поступим по-другому: возьмем тебя в долю владения этим местом. И единогласно назначим бессменным управляющим. Дальше все будет зависеть от того, кто чего и сколько вложит в восстановление. Пока такого договора хватит. А я так думаю, что и вообще хватит. Если в будущем кто-то захочет из дела выйти, остальные выкупят его долю. Ну что – согласен?

– Не такое это предложение, чтоб от него отказываться! И все же мне надо посоветоваться с ребятами. Ты со своими, конечно, уже все обсудил?

– Само собой.

Бандюги моего приятеля, коих у него насчитывалось уже восемь, с энтузиазмом восприняли идею переквалификации в пусть нелегальных, но честных предпринимателей. Правда, в отличие от главаря, они не до конца понимали, насколько тяжело будет удержать «Сухую гавань» за собой. Таверны вдоль тракта располагались не абы как, а строго на расстоянии дневных переходов контрабандистских обозов, и всунуть между ними новые ни у кого не получилось бы. Не окажется достаточно постояльцев у новоявленного хозяина-высочки, да и не доживет он до них, поскольку и малый отток клиентуры владельцам-соседям не нужен. Обычно они, не в пример Глену, дружно выступали против общих угроз, но в их отсутствие меж собой мира не имели. За существующие заведения нередко начиналась еще более жестокая борьба.

В желающих их захватить недостатка никогда не наблюдалось. Будь на месте Меченого другой человек, он тут же захотел бы скорифаниться еще с какой-нибудь бандой, махнув рукой на неизбежное уменьшение будущих прибылей. Ибо лучше иметь маленький, зато надежный доход, чем позариться на большой и лишиться головы. Но я потому и обратился к Меченому, что знал: он «Гаванью» ни с кем дополнительно не поделится. Ужом извернется, но справится сам.

Как только все участники затеваемого предприятия достигли консенсуса, я подозвал Палаша. Если в новых долевиких мы не нуждались, то в обслуге и арендаторах – очень даже. А где их так сразу взять, как не у конкурента?

– Сгоняй-ка в «Дубы», – предложил я проводнику. – Не знаю, что там между тобой и Гленом было, но если не можешь появиться в таверне просто так, сделай вид, что забыл что-то забрать. А сам переговори с недовольными. Скажи, что мы их тут с нетерпением ждем. Особенно меня интересует кузнец. Он как настроен?

– Ему поведение Глена тоже не шибко понравилось, – сказал Палаш. – Однако готовности сняться с места он вроде не выражал.

– Возможно, ему самой малости не хватило. Погутаь с ним отдельно. Скажи, что если он переедет в «Гавань», ему для начала обеспечен заказ на полное вооружение и броню для костюмеха. Мне только меч пока не нужен – подходящий уже есть.

Палаш тут же уехал. Даже не спросив, а возьмем ли мы в долю его. Нормальный парень, исполнительный, не дурак, не трус, – но типичный наемник. Он уже понял, что место с хорошей оплатой ему гарантировано: или у меня в клане, или при «Гавани». А остальное его не волновало.

Меченый поставил половину своих парней на расчистку фундаментов лавок и конюшни, другую половину отправил гонцами в ближайшие деревни. Прежде всего нам требовались рабочие, особенно лесорубы и плотники. Трудностей с наймом не предвиделось: среди гинкмарских крестьян каждый второй плотник, а лесорубы они все. И заработать никто не откажется. Крышующие общины банды препятствовать не станут – они свою десятину с любого дохода мужиков получают.

Заодно гонцы должны были договориться о поставках продовольствия с учетом больших потребностей в нем на первых порах. Запасов из взятой добычи надолго не хватит, раз потребуются много рабочих кормить. И после таверна будет нуждаться в продуктах, как нуждалась в них ранее, а кроме того, в небольших, но постоянных поставках сукна, холста, и прочего, что ее мастерские не производили в прошлом и не станут производить в будущем. Консультантом по этой теме выступил Живчик. Он точно знал, чего и сколько завозилось в «Гавань» при Мэлори и Рудже. С того и мы начнем, а позже сделаем поправки.

Уже под вечер прибыли первые повозки из «Дубов» в сопровождении нескольких всадников. Всадники оказались неинтересны – парни типа Палаша. Из лавочников пока решил на переезд только торговец расходниками, а из мастеровых – кожевник. Наутро приехали двое тележников и начали собираться крестьяне с деревень. Расчистка фундаментов сразу пошла веселее; застучали топоры в лесу; завжикали пилы внутри засеки. Бревна на доски распускали вручную, но я поразился, насколько быстро.

Айк с Жюстиной сортировали нашу добычу с тем расчетом, чтобы обеспечить начальный ассортимент лавок, владельцев которых нам из «Дубов» сманить не удастся. После возвращения Палаша стало ясно, какие места останутся на неопределенное время вакантными. В общем, «Гавань» бурлила. И уже через пару дней стала приобретать жилой вид. Точнее – вид заселяемой еще в процессе работ новостройки. Ремонтировались стены первого этажа таверны и началось возведение второго. Стремительно обрастали досками каркасы мастерских, конюшни и кузни. И да – к моей радости приехал сам кузнец.

Я объяснил ему, что мне требуется, и выплатил аванс. Кожевеннику заказал нормальный вещмешок для костомеха на замену моему кустарному, из навеса. На это с избытком хватило денег еще из каритекской добычи. Аик меж тем скрупулезно высчитал, сколько кому должно достаться за битву с эльфами у Звонкого озера. Моя доля ожидаемо оказалась самой большой: из-за участия костомеха. И помощи эгиды, которая внесла решающий вклад в победу. Помимо этого мне, как и всегда, отходила доля Люцифера.

Не будь проекта по восстановлению таверны и обязательств по нему, я мог бы одним махом рассчитаться с фуриями и Эртриксом. А так остался должен им еще четыре штуки. Не следовало также забывать и о грядущих выплатах кузнецу. И оружейнику с баффером, когда их найду. Потому что нанятый мною кузнец был именно кузнецом, с узкой специализацией. Он сможет изготовить броню для скелета, – но не сможет придать ей всех нужных свойств. Впрочем, в качестве баффера могла выступить Жюстина, когда вновь поднимет уровень до сорокового. После гибели он у нее до тридцать седьмого просел.

Честно говоря, я думал, что она соблазнится возможностью немедленного открытия магической лавки в «Гавани» и бросит клан. Однако у Жюстины были другие планы.

– Ну уж нет! – сказала она, примеряя доспехи того самого облегченного комплекта, что я для нее заприметил при продаже лат Карла Ингмарского, и который мы теперь обнаружили в одной из повозок. – Сесть на жопу и заняться торговлей и изготовлением снадобий, даже не попробовав себя на Тропе? Ни за что! А кроме того, быть владелицей лавки на Разбойничьем тракте мне уже кажется чем-то мелким. Даже при условии получения процента с «Гавани». Для чего мне это, когда я вскоре окажусь полноправной хозяйкой тут на пару с Меченым? Ни ты, ни Аик никогда всерьез таверной заниматься не захотите, потому что бродяги по натуре. Торн не сумеет, и он тоже бродяга. Рано или поздно вам надоест даже думать о скучных повседневных нуждах заведения, вы перестанете вкладываться в него и продадите нам свои доли – разве не так?

– Ай да хваткая девочка! – похвалил я. – Окрути еще Меченого и загони его под каблук.

– Я займусь этим чуть позднее, – пообещала Жюстина. – А сейчас мы выходим уже на Тропу, или ты хочешь доспехов для скелета дожидаться?

– Пока мне нужен только топор для него. Остальное подождет. Кузнец пообещал сделать топор в первую очередь. Надо, кстати, узнать – может, он готов.

Глава 6

По западным опушкам Гинкмара протянулась с севера на юг неровная полоса обезлюдевших земель шириной примерно от четверти до половины дневного перехода. Лесочки лет двадцати – тридцати от роду чередовались здесь с совсем еще молодыми рошицами, заросшими бурьяном полями и заброшенными деревнями. По мере продолжения войны с империей местные оргойские дворяне все менее заботились о безопасности своих крестьян, зачастую и не имея возможности для этого. И те перебирались подальше от Гинкмара, или наоборот, уходили в его дикие дебри под защиту разбойников.

Освободившиеся территории заселяла нечисть – не слишком страшная, зато многочисленная. Обычно ее называли окраинной или полевой, чтобы отличать от матерой лесной, действительно опасной. Впрочем, крутые монстры тут тоже встречались. Вот по такой местности проходила Южная военная тропа, сторонившаяся как непролазных чащ слева, так и цивилизованных земель справа.

Мы решили не уходить на юг слишком далеко. На Тропе давно никто не пытался разбойничать, так что какая разница, где начинать эксперимент. Ну и добычу планировалось продавать через лавки «Гавани», и не хотелось гонять обозы черт-те откуда.

Место для стана выбрали в густом березняке с деревьями в две четверти в обхвате или чуть толще. Елок и деревьев других пород здесь также хватало. Но главное – из-под камня в центре бил родник.

Топор костомеху кузнец выковал универсальный, пригодный как для боевого, так и хозяйственного применения. На обухе сделал длинный изогнутый клюв для пробивания лат, который годился и для использования в качестве кирки. Топорище вырезали столяры-тележники – из хорошего, выдержанного материала, запас которого перевезли в «Гавань» от Глена. На лесоповале я скелет использовал в первый раз, засеку устраивал тоже впервые, но все оказалось проще, чем представлялось до начала работ. Березы, что в основном и шли на устройство защитного ограждения, костомех валил с двух ударов. С одной стороны тяпнет, с другой, толкнет лапой – и дерево падает точно куда намечено.

Когда рубка и растаскивание берез по местам мне надоедали, я брался за корчевание. Подсекал корни торчащих там и сям пней недалеко от комля, вонзал клюв-кирку поглубже в землю и дергал топор на себя. Пни тоже шли в засеку, ямы приходилось заравнивать. За день удалось расчистить площадку для лагеря и уложить вокруг нее первый ряд деревьев. Еще два дня я потратил, вырубая деревья и кусты уже вокруг засеки. Позже расширю свободное от зарослей кольцо. Оно должно быть хотя бы шагов сорок шириной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.